

22. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир: мат-лы VIII всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 94–105.

23. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Вып. 3. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. С. 126–141.

THE APPEARANCE OF BROADSWORDS IN THE MIDDLE KAMA REGION IN THE I–II CENTURIES AD

© 2019

Malykh Oleg Olegovich, researcher of Kama Archeologist-Ethnographic Expedition
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation)

Abstract. In modern archaeology researchers try to go from existing finds description and systematization to considering possible variants of the processes or even the events that led to certain objects of material and spiritual culture or their change. In the I–II centuries AD broadswords appeared on the territory of the Middle Kama region; the weapon that would be distributed in VII–IX centuries AD. There are no grounds for linking the origin of broadswords with the development of the armament complex of the local population; broadswords were more likely to be external borrowings. This paper considers a version of broadswords appearance among the population of Prikamye in the I–II centuries as a result of a contact with military detachment representatives who committed a transit migration through the territory of the region. The starting point of the migration beginning could be one of the Trans-Urals regions. A military detachment, moving along the banks of the Belaya, Kama, Volga rivers and their tributaries, could not only become a source of the weapon, it could also engage a part of the Pyanoborsk population to their movement to the west. The activities of the detachment representatives as well as of those who were attached to it led to the formation of the Andreevsko-Piseral'sky community in the Oka-Sursk interfluvium.

Keywords: broadsword; Middle Kama region; Middle Volga region; Trans-Urals; Pyanoborsk community; Andreevsko-Piseral'sky community; transit migration; military transport routes; burial grounds; migrants; long-link weapons; cultural-geographical region; Sarmatians; burial rituals; archaeological cultures of Siberian population.

* * *

УДК 902/904

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13212

Статья поступила в редакцию 28.05.2019

О ЮЖНОРУССКОМ СЛЕДЕ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАШЕННОЙ ФОРМЫ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

© 2019

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы происхождения на территории Пермского Предуралья на рубеже XI–XII вв. пашенной формы обработки земли. В этот период времени получают распространение новые виды орудий – рала с железными широколопастными наконечниками – ральниками. Был проведен анализ находок наконечников на рассматриваемой территории и их сопоставление с подобными находками с территории Древней Руси. Проанализировав находки южнорусских изделий, найденных на территории Пермского Предуралья, мы пришли к выводу, что они встречаются совместно с вещами из Волжской Булгарии и иногда с находками железных наконечников пахотных орудий. Волжская Булгария, будучи одним из крупнейших средневековых государств Восточной Европы, активно влияла на финно-угров, проживающих в Прикамье, а также имела прямые контакты с Древнерусским государством через торговые пути. В Волжской Булгарии обнаружены изделия с южнорусских территорий, датирующиеся X–XI вв. Таким образом, возникновение пашенного земледелия и появление на территории Пермского Предуралья железных широколопастных наконечников пахотных орудий – ральников – связывается с распространением традиций земледелия с южнорусских территорий через посредничество и влияние Волжской Булгарии.

Ключевые слова: хозяйственно-культурный тип; пашенная форма обработки земли; широколопастные ральники; рало; Пермское Предуралье; Древняя Русь; Волжская Булгария; южнорусские территории; севернорусские территории; торговый путь; посредничество; путь из Булгара в Киев; картографирование.

Форма земледелия, понимаемая нами как основной способ обрабатывания земли, всегда зависит от используемого земледельческого орудия. Форма земледелия может быть беспашенной (с использованием мотыги) и пашенной (ральной, сошной и плужной). На территории Пермского Предуралья на рубеже XI–XII вв. происходит переход к новому хозяйственно-

культурному типу – пашенному земледелию с использованием тягловой силы и пастушескому животноводству. В это время на широкой территории Верхнего Прикамья получают распространение широколопастные ральники (по археологическим данным известно более 70 местонахождений ральников, имеется информация о 240 целых наконечниках и 7 обломках).

Такие ральники являлись наконечниками деревянных рал с горизонтальным или близким к горизонтальному положением полоза (рис. 1) [1, с. 65–69].

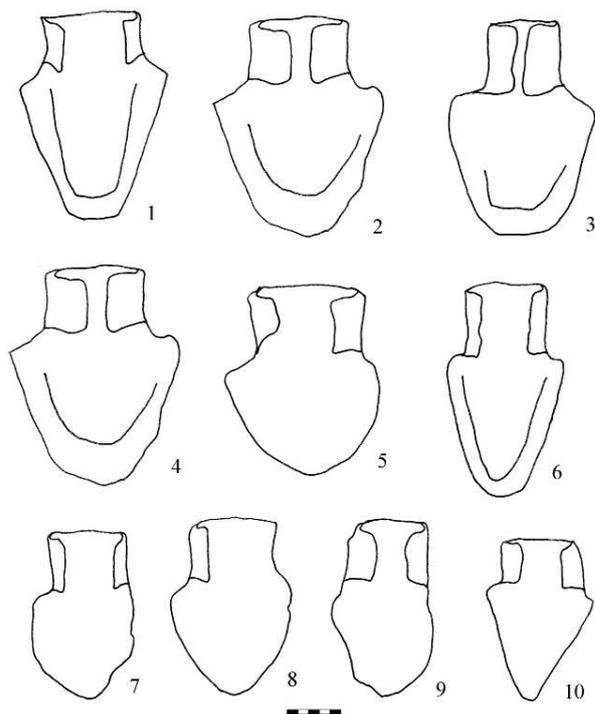

Рисунок 1 – Ральники с территории Пермского Предуралья (1–4, 6, 10 – Пермский край (коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей); 5, 7–8 – Пермский край (Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина); 9 – Лаврятское городище)

Одним из дискуссионных вопросов в изучении хозяйственной структуры средневекового общества Пермского Предуралья является вопрос о происхождении пашенного земледелия, его истоках. Очевидно, что железные наконечники пахотных орудий попали на рассматриваемую территорию уже в готовом виде, то есть были заимствованы с других территорий, где они к началу II тыс. н.э. были известны и широко использовались.

Вопросы происхождения пашенного земледелия неоднократно рассматривались учеными, занимающимися проблемами хозяйственной деятельности Пермского Предуралья в эпоху средневековья [2–5]. Одна из гипотез, которая высказывалась учеными – это древнерусский вариант происхождения пашенного земледелия.

В качестве основных систем земледелия на территории Древней Руси использовались подсека и перелог. Паровая зерновая система земледелия формировалась там в начале II тыс. н.э., что вело за собой изменение структуры посевов и использование органических удобрений [6].

Основными данными по истории древнерусских пахотных орудий являются железные наконечники из археологических раскопок.

Все обнаруженные на древнерусских территориях наконечники пахотных орудий можно отнести к втульчатым.

Рассматривая историю пахотных орудий на территории Восточной Европы, А.В. Чернецов выделил четыре периода их развития:

1. В период бытования черняховской археологической культуры появляются первые широколопастные наконечники.

2. VII–X вв. В этот период времени можно выделить две зоны со своими традициями изготовления орудий для распашки земли: на южных территориях распространяются широколопастные ральники, на северных – ральники без плечиков.

3. X–XIII вв. В южных территориях получают распространение модернизированные тяжеловесные рала, а на севере лесной зоны получает распространение обыкновенная соха.

4. XIV–XVI вв. На южных территориях появляется плуг, а на севере совершенствуется соха [7, с. 147–148].

Итак, в лесной зоне на северорусских территориях были распространены узколопастные ральники без «плечиков» и наконечники сох, а на юге в лесостепной зоне – широколопастные ральники и наконечники плуга.

Исследователи, занимавшиеся историей средневекового хозяйства на изучаемой территории, высказывали различные гипотезы по поводу истоков происхождения пашенной формы обработки земли. Ф.А. Теплоухов, В.А. Оборин и А.М. Белавин считали, что пашенное земледелие Среднего и Верхнего Прикамья имело древнерусское происхождение и проникло с северных территорий Руси [2; 3; 5; 8]. Эти исследователи в своих трудах полагали, что на всей территории Древнерусского государства хозяйство развивалось единообразно, при этом упуская, что северные и южные земли имели своеобразие в земледельческом хозяйстве.

Анализ исследовательских трудов, а также археологических источников наличия пашенной формы земледелия на древнерусских территориях показал, что ральники с широкой лопастью были распространены исключительно в южных районах Древней Руси, поэтому северорусские земли не являлись отправными для заимствования пахотного орудия – рала.

Н.А. Макаров отмечает, что последние исследования раскрывают, «с одной стороны, культурное своеобразие южнорусских и северорусских памятников, с другой – многочисленные факты распространения «южных» и «северных» элементов культуры далеко за пределами их первоначальных ареалов, превращения многих из них в общедревнерусские». А различия между северными и южными территориями, по мнению Н.А. Макарова, имеются в конструктивных особенностях жилищ и отопительных сооружений; в типе пахотных орудий и составе злаков; в денежно-весовых системах и денежном обращении; в практике оформления различного рода документов, засвидетельствованных сфрагистикой; способах работы кузнецов [9, с. 6].

Ральники с территории Пермского Предуралья имеют сходство с южнорусскими и являются частями однотипных рал. Ральники с широкими «плечиками» находят в Среднем Поднепровье и соседних территориях. Их размеры: длина 16–21,5 см, ширина лопасти 8–12 см, ширина трубицы 6–8 см [10, с. 222]. Ральники с территории Пермского Предуралья имеют подобные размеры: длина 12–28 см, ширина лопасти 8–19 см, ширина втулки (трубицы) 6–11 см [11].

Если все же предполагать древнерусский путь проникновения пашенной формы обработки земли в Пермском Предуралье, то стоит рассуждать о распространении именно южнорусских форм пахотных

орудий, а не северорусских. Но в то же время, проводя анализ путей древнерусской колонизации в Верхнее Прикамье, ученые предполагают миграционные процессы с северорусских территорий, когда с начала II тыс. н.э. на севере Прикамья получают распространение изделия северорусского и смешанного прибалтийско-финского происхождения. В.А. Оборин считал, что нерегулярные миграции древнерусских переселенцев начинаются в XII в. [3, с. 66–75]. Но, несмотря на это, в период XI–XII вв. изделий древнерусского происхождения на изучаемой территории обнаружено не так много. По подсчетам А.М. Белавина, на территории современного Пермского края известно порядка 40 мест находок изделий древнерусского происхождения [12, с. 246].

Л.Д. Макаров к вещам, имеющим древнерусское происхождение на территории Верхнего Прикамья, относит браслеты из стекла, металлические шарнирные и витые браслеты, перстни и височные кольца, решетчатые подвески, подвески-лунницы, пряжки лировидной формы, бусы, сосуды из серебра и монетные гривны, пряслица из шифера, боевые топоры, мечи и другие типы вещей [13, с. 24].

Древнерусское влияние маркируют и получившие распространение на территории Пермского Предуралья с XII в. украшения из свинцово-оловянистых сплавов. Особо показательны среди них бляшки в виде плоского кольца небольшого размера, иногда имеющего перемычку. Помимо них, на некоторых крупных городищах и селищах известны находки каменных литейных форм для их отливки [14, с. 105].

Но все же большинство этих изделий попадает на территорию Верхнего Прикамья вследствие торговых отношений (через Волжскую Булгарию и вымские земли) или миграций смешанного финно-славянского населения и только с XIV в. – с появлением здесь древнерусских переселенцев. К слову, гончарная керамика древнерусского облика обнаружена только на десяти поселениях родановской культуры. В верхних слоях городища Анюшкар, крупной торгово-ремесленной фактории эпохи средневековья, подобная керамика составляет не более 1%. В культурных слоях XIV–XVI вв. городища-святилища Искор фрагменты керамических сосудов русского происхождения составляет уже порядка 60% всех сосудов [12, с. 246].

Следовательно, мы действительно можем предполагать проникновение северорусских изделий на территорию Верхнего Прикамья в результате торговли и эпизодических смешанных миграций. Но в то же время узколопастные ральники и сошники с северорусских территорий не получают своего распространения на изучаемой территории в эпоху средневековья, а аналогичные прикамским формам ральников – широколопастные – имеются в южнорусских землях. Довольно сложно представить какие-либо, даже редкие, прямые торговые контакты с населением южнорусских земель или его миграции в Прикамье. Но следует отметить, что Волжская Булгария – одно из крупных государств эпохи средневековья, оказывающее влияние на прикамское финно-угорское население, конечно же, оно имело прямые отношения с Древней Русью, притом как с северорусскими, так и с южнорусскими землями через торговые пути. Географы восточного происхождения

писали о прямом пути из Булгара в Киев. Этот путь торговцы могли пройти за 60 дней, делая один раз в два дня остановки в специальных местах – манзильях. Исследования, проведенные в начале 90-х гг. XX в. под руководством А.П. Моця и А.Х. Халикова, показали, что хорошо известный по карте ал-Идриси путь из Булгара в Киев активно действовал еще в XI в. [15, с. 44–51; 16].

На территории Волжской Булгарии обнаружены вещи южнорусского происхождения, имеющие бытование в X–XI вв.: замки цилиндрической формы со стержнем, железные ключи с лопаточковидным открывателем, крупные железные шарнирные ножницы, стаканообразные кубки с вогнутым основанием, серебряные слитки-гривны так называемого киевского типа, железные топоры-амулеты, шиферные бусины бочонковидной формы, пряслица из шифера, яйцевидные писанки, стеклянные бусины южнорусского происхождения, игрушки в виде свистул, железные наконечники пахотных орудий с наварными полосками по краям, узкие четырехгранные наконечники копий [16, с. 77, 79–80, 82, 85–86].

А.П. Моця и А.Х. Халиков приходят к выводу, что с первой четверти X в. между Булгаром и Киевом устанавливаются тесные торгово-экономические связи, что приводит к появлению достаточно близких хозяйственно-культурных типов, экономических связей и похожего ассортимента изделий. Как булгары, так и представители Древней Руси могли проживать постоянно на территории этих государств. И очевидно, что торговые контакты Волжской Булгарии и Киевской Руси имели самое серьезное воздействие не только на развитие экономики Волжской Булгарии, но и на окружающее это государство финно-угорское население [16, с. 86–88; 15; 3].

Видимо, через влияние Волжской Булгарии южнорусские вещи распространяются и на территории Верхнего и Среднего Прикамья. К этим изделиям можно отнести бронзовую булаву с шипами киевского типа, серебряные гривны киевского и черниговского типов, крестовидные подвески с выемчатой эмалью киевского типа (4 экз.), стеклянный браслет бледно-голубого цвета, крест-тельник с подгрудным изображением святого, яйцевидную писанку, пряслица из перлита овручского типа [2, с. 150–154].

Следовательно, через Волжскую Булгарию на территорию Верхнего и Среднего Прикамья могли поступать и наконечники пахотных орудий южнорусских форм. Нанеся на карту находки южнорусских вещей на территории Пермского Предуралья, мы пришли к выводу, что они происходят с тех археологических объектов, где имеются изделия булгарского происхождения и местонахождения ральников.

Южнорусские вещи были обнаружены на крупных средневековых торгово-ремесленных факториях: Рождественском, Анюшкар, Саломатовском II, Кудымкарском, Городищенском городищах, в культурном слое которых были найдены, в том числе, и находки ральников. Киевские и черниговские типы гривн обнаружены в кладе у с. Малый Шакшер и Чигиробском кладе. Там наряду с этими изделиями известны вещи из Волжской Булгарии и арабского Востока. И.А. Талицкая отмечает, что около с. Шакшер находили много ральников [17, с. 86]. Большое коли-

чество украшений, в том числе южнорусских и болгарских, обнаружено около д. Пятигоры, д. Старица, д. Модороб Косинского и Гайнского районов современного Пермского края. Видимо, там находились перепаханые средневековые могильники. На территории этих северных районов сосредоточены и находки ральников. Из Михалевского и Елевского могильников происходят крестовидные подвески киевского типа и вещи, произведенные в Волжской Булгарии. Находки овручских пряслиц происходят с таких крупных средневековых городищ, как Рождественское, Аношкар, Роданово, где также были обнаружены и широколопастные ральники [18]. Таким образом, анализ находок южнорусских изделий показывает, что они встречаются вместе с изделиями болгарского происхождения и иногда с находками ральников (рис. 2).

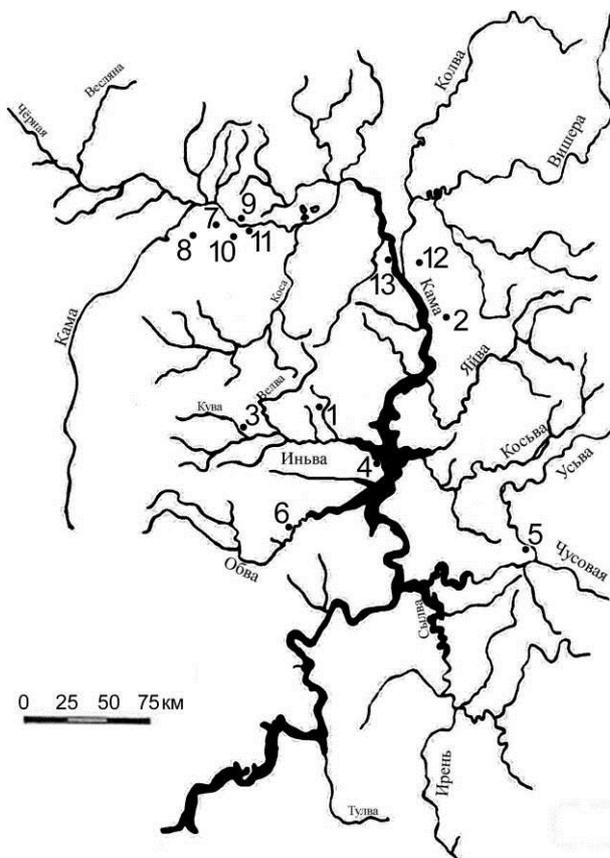

Рисунок 2 – Карта находок южнорусских вещей на территории Пермского Предуралья.

- Местонахождения: 1 – Вакинское селище;
2 – Городищенское городище;
3 – Кудымкарское городище; 4 – Аношкар городище;
5 – Саломатовское II городище;
6 – Рождественское городище;
7 – клад у с. Малый Шакшер; 8 – д. Пятигоры;
9 – д. Старица; 10 – д. Модороб; 11 – д. Михалева;
12 – Михалевский могильник; 13 – Елевский могильник

Среди предуральских наконечников пахотных орудий имеются экземпляры с более выделяющимися «плечиками», чем у наконечников, распространенных в южнорусских землях. По-видимому, этот факт не играл значительной роли в конструктивных особенностях орудия и был, скорее всего, связан с территориальными особенностями и приемами работы кузнецов. А возможно, и с влиянием лемехов болгарских форм [19]. После заимствования идеи по-

добных наконечников они достаточно скоро, как показывают археологические материалы, получают распространение на территории Верхнего и Среднего Прикамья. Б.А. Колчин замечает, что все технологические действия по изготовлению металлических наконечников, например, древнерусских пахотных орудий не требовали большой квалификации и могли производиться обычными сельскими кузнецами [20, с. 86–89]. Предуральские наконечники, видимо, также изготовлялись рядовыми кузнецами на поселениях.

Картографирование находок наконечников рал демонстрирует, что они в основном сосредотачиваются в северных районах и совпадают с зонами распространения древнерусских (в основном северорусских) вещей, прибалтийско-финских и вымских изделий. По-видимому, попавшие на территорию Среднего и Верхнего Прикамья ральники южнорусских форм распространились прежде всего в среде финского (смешанного финно-славянского) потока заселения, двигавшегося с севера на юг и уже знакомого с хозяйственно-культурным типом пашенного земледелия.

Таким образом, происхождение пашенной формы обработки земли и появление на территории Пермского Предуралья железных широколопастных наконечников пахотных орудий – ральников – можно связать с распространением южнорусских хозяйственных традиций через посредничество и влияние Волжской Булгарии.

Список литературы:

1. Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: монография. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 170 с.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, ПГПУ, 2000. 200 с.
3. Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // Советская этнография. 1956. № 2. С. 66–75.
4. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы Института археологии. 1951. № 22. С. 4–58.
5. Теплоухов Ф.А. Земледельческие орудия Пермской Чуди. Пермь: Тип. н-ков П.Ф. Каменского, 1892. 35 с.
6. Кирьянова Н.А. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.: ИА РАН, 1992. 162 с.
7. Чернецов А.В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // Советская археология. 1972. № 3. С. 135–148.
8. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Пермское Предуралье в период развитого средневековья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. С. 163–170.
9. Макаров Н.А. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII в.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 5–10.
10. Древняя Русь: Город, замок, село / ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 430 с.

11. Сарапулов А.Н. Возникновение пашенного земледелия на территории Западного Урала в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 81–91.
12. Белавин А.М. Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и Нового времени // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. С. 243–250.
13. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
14. Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. Вып. 1 (18). С. 105–113.
15. Хузин Ф.Ш. Некоторые проблемы изучения русско-булгарских связей в современной историографии // Русь и Восток в IX–XVI вв.: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 44–51.
16. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1997. 191 с.
17. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы Института археологии. 1952. № 27. 224 с.
18. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск: монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
19. Сарапулов А.Н. О булгарском влиянии на средневековое земледелие Пермского Предуралья // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи: мат-лы II Болгарского форума 21–23 мая 2011 г. в г. Казань. Археология евразийских степей. Вып. XVII. Казань: АН РТ, 2013. С. 187–195.
20. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // Материалы института археологии. 1953. № 32. С. 86–89.

Статья публикуется при поддержке грантов РФФИ проект № 17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене»; проект № 17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)».

SOUTH RUSSIAN TRACES IN THE ORIGINS OF THE TILLAGE IN THE PERM REGION (ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE)

© 2019

Sarapulov Aleksey Nikolayevich, candidate of historical sciences, associate professor,
acting head of Domestic and World History, Archeology Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with some issues of the origins of the tillage in the Perm Region at the turn of the 12th century. During that time, a new type of implement got widespread. They were ards fitted with broad-bladed iron shares. The finds of the shares were analyzed and compared with the analogous ones from the territory of Kievan Rus'. The analysis showed that the South Russian articles found in the Upper Kama region appeared together with Bulgarian articles and sometimes with the ard shares. South Russian things of 10–11 centuries were also found on the territory of Volga Bulgaria. Being a large mediaeval state, Volga Bulgaria both had a strong influence on the Finno-Ugric population of the Kama region and had dealings with Kievan Rus' (northern and southern parts) using the Volga trade route. Therefore, the origins of the tillage and the appearance of the broad-bladed iron shares in the Perm Region may be connected with the spreading of the South Russian agricultural traditions through the agency and under the influence of Volga Bulgaria.

Keywords: tillage; ard shares; ard with horizontal or nearly horizontal sole; tips of ploughing tools; arable weapon; Perm Region; Kievan Rus'; Volga Bulgaria; South Russian territories; North Russian territories; trade route; route from Bulgar to Kiev; mapping.

* * *

УДК 93:342.5(045)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13213

Статья поступила в редакцию 20.07.2019

ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ (СЕРЕДИНА XVIII–XIX ВВ.): ФЕНОМЕН ОРЕНБУРГСКОЙ КИРГИЗСКОЙ ШКОЛЫ

© 2019

Котов Антон Владиславович, студент исторического факультета
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье освещаются основные вопросы образовательной политики Российской империи в XVIII–XIX вв. в отношении населения северных казахских степей. Рассматриваются конкретные примеры мирного взаимодействия русских поселенцев с местным казахским населением через призму культурного и просветительского влияния, что выражалось в основании ряда учебных заведений для «инородцев» северных казахских степей. Выявляется значение образовательной и культурной интеграции местного